

J.C. Joerden. – 2., überarb. u. erg. Aufl. – Heidelberg etc : Springer, 2010. – 424 S.

8. Фейс Р. Модальная логика / Р. Фейс. – М. : Наука, 1974. – 520 с.

9. Логико-философские труды В.А. Смирнова / отв. ред. В.И. Шалак ; Институт философии. – М. : Эдиториал УРСС, 2010. – 592 с.

10. Ивин А.А. Логика норм / А.А. Ивин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1973. – 121 с.

11. Трутень В.В. Формальна система цивільного права: її інтерпретація та методологічне значення / В.В. Трутень // Проблеми філософії права. – 2012. – Т. 8–9. – С. 370–377.

12. Трутень В.В. Комбінована п-мірна юридична логіка: в застосуванні до експлікації цивільно-правового поняття «правіж» / В.В. Трутень // Логіка і право: матеріали IV Міжнародної науково-практичної конференції «Логіка і право». Харків, 11 травня 2012 р. / науковий редактор: д-р філос. наук, проф. О.М. Юркевич. – Х., 2012. – С. 131–134.

13. Шапп Я. Система германского гражданского права : [учебник] / Я. Шапп. – М. : Междунар. отношения, 2006. – 360 с.

14. Циппеліус Р. Юридична методологія / Р. Циппеліус ; пер., адапт., прикл. з права України і список термінів Р. Корнута. – К. : Реферат, 2004. – 176 с.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ВОЗРАСТЕ ПОТЕРПЕВШИХ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Александр ПЛАШОВЕЦКИЙ,
аспирант

ЧВУЗ «Львовский университет бизнеса и права»

Summary

The article analyzes history of legal age of victim of crime. During the stay of Ukrainian lands in the Grand Duchy of Lithuania and the Commonwealth trend of increasing age of the person whose achievement a person could be prosecuted. Even while Ukrainian lands in the Russian Empire in the domestic criminal law there is a differentiated approach to establish age, the achievement of which a person could be subject to criminal liability.

Key words: age, law, offense, criminal liability, person, state, child protection.

Аннотация

В статье проанализирована история развития законодательства о возрасте потерпевших от преступлений. Во время пребывания украинских земель в составе Великого княжества Литовского и Речи Посполитой наблюдается тенденция к увеличению возраста, с достижением которого лицо могло быть привлечено к уголовной ответственности. Уже во время пребывания украинских земель в составе Российской империи в отечественном уголовном законодательстве появляется дифференцированный подход к установлению возраста, с достижением которого лицо могло подлежать уголовной ответственности.

Ключевые слова: возраст, закон, субъект преступления, уголовная ответственность, лицо, государство, защита прав ребенка.

Постановка проблемы. Проблема потерпевшего от преступления в уголовном праве имеет глубокие исторические корни, которые уходят во времена становления этой отрасли знания. Первые упоминания о возрастных особенностях пострадавших можно встретить в источниках права Киевской Руси, в частности в древнерусских княжеских уставах. Один из самых известных – это Устав князя Владимира Святославовича, который относится к XII – XIV вв. и существует более чем в 200 списках. В уставе содержится перечень проступков, которые рассматривались как преступление и которые передавались в компетенцию церкви, однако в нем ничего не сказано о мерах наказания за эти преступления. Также в этом уставе упомянуты лица, которых передавали в ведение церкви.

Другим княжеским уставом, который имеет большое значение для исследования уголовного права Древнерусского государства, является Устав Ярослава Мудрого. До нас не дошло ни одного устава князя Ярослава в его первоначальном виде – все его редакции менялись со временем, но архетип устава сложился в XI – начале XII вв.

Всего известно около 100 списков устава, которые разделяют на 6 редакций. Одни из самых ранних из них датируются последней четвертью XV в., а поздние – XIX вв.

Актуальность темы. Именно в Уставе князя Ярослава Мудрого была закреплена защита права ребенка на жизнь (ст. 6, установившая ответственность за детоубийство). Убийство незаконнорожденного ребенка каралось заключением в монастырской учреждении. К детоубийству приравнивался и аборт. Рассмотрение дела о совершении убийства относилось к церковной юрисдикции.

Наказание за детоубийство в Киевской Руси изначально не имело такого жесткого характера, как в средневековой Европе. Детоубийство долгое время считалось не преступлением, а грехом. Каноническое византийское право, отраженное в уставе князей Владимира, Ярослава Мудрого, видело в детоубийстве прежде всего посягательство не на жизнь, а на христианские устои семьи и нравственности. По сравнению с жестокими наказаниями в Европе, церковные уставы предусматривали только церковное покаяние – епитимии (трехлетний пост).

Итак, **целью статьи** является рассмотрение истории становления уголовного законодательства по возрасту лица.

Изложение основного материала исследования. Таким образом, во времена Киевской Руси имеет место только зарождение механизмов, предусматривающих строгую ответственность за преступления против особой возрастной группы – несовершеннолетних. В то время были введены только запреты на отдельные формы поведения, которые могли нанести вред несовершеннолетним. Формулируя запрет, законодатель не признавал интересы ребенка самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны, а нормы, которые защищали, были направлены на охрану других интересов и ценностей.

Некоторые ученые расценивают положения Устава князя Ярослава «О церковных судах», которые устанавливали ответственность за нарушение запрета половых отношений в кругу близких родственников, как такие, которые направлены на защиту несовершеннолетних. Несмотря на отсутствие указаний на возраст и неоднозначность признания несовершеннолетнего пострадавшим при инцесте, вышеупомянутая норма не может рассматриваться как норма, защищающая интересы ребенка в древнем праве.

Малолетних и престарелых («малых» и «старых»), инвалидов («калек прохожих»), слабоумных и ущербных («блаженных», «юродивых», «обиженных судьбой»), беременных женщин, больных, других беззащитных и слабых на Руси всегда было недопустимо и грешно обижать. Как видим, государственное осуждение за преступления, совершенные в отношении пожилых людей, имеет глубокие корни, подключенные к древней человеческой традиции, нравственным убеждениям, глубокой вере в Бога. Недаром же в Священном Писании (Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова) сказано: «Деточка, помогай твоему отцу в старости и не печаль его за его жизнь. И когда ум ослабнет, будь снисходительным; Не пренебрегай его тогда, когда ты – полностью».

Безусловно, важным материалом для исследования истории формирования правового положения потерпевшего являются Литовские уставы 1529 г., 1566 г. и 1588 г., которые включали в себя нормы обычного права, Судебник Казимира 1468 г., привилегии 1447 г., 1492 г., римское, польское и германское право XV – XVI вв. Как указано в литературе, в 1529 был принят первый Литовский статут, который устанавливал строгую уголовную ответственность за совершение преступного посягательства на жизнь отдельных лиц, в том числе стариков, отца и мать или ребенка: «по рынку везти, клещами тело рвать, а затем в мешок зашить, и посадив в него собаку, курицу, ужа, кошку, и все то в глубокой реке утопить». За посягательство против беременных женщин: «Если, кто беременную конем собьет, повредит, из-за чего она потеряет ребенка или умрет вместе с ребенком, независимо от его состояния, должен отсидеть три месяца или быть приговорен к смертной казни». Кроме того, утверждение норм христианской морали в России оказывается в усилении ответственности за убийство матерью своего внебрачного ребенка, которое рассматривается уже как «светское» преступление. Так, артикул 60 Третьего Литовского статута 1588 г., который действовал на западных украинских землях, устанавливал смертную казнь развратным женщинам.

Среди сугубо религиозных преступлений против детей Устав 1588 г. выделяет подъязык детей перейти к мусульманской или иудейской вере, их обрезание, наем женщины-христианки нехристианами к своим детям в качестве «мамки».

Ряд положений, содержащихся в памятниках древнего права, нашли свое место в Соборном Уложении 1649 г. В частности, ст. 26 Соборного Уложения предусматривает наказание в виде смертной казни за убийство незаконнорожденного ребенка; однако, как и в Уставе Ярослава, эта норма по сути нацелена не на охрану жизни несовершеннолетнего, а на осуждение фактов незаконного и внебрачного рождения детей.

Несмотря на закрепление Соборным Уложением отдельных случаев

превышения родительской власти над ребенком в качестве преступлений, наказание за их совершение было крайне мягким. Так, убийство ребенка каралось одним годом тюремного заключения и церковным покаянием; однако возраст, до которого лицо считалась ребенком, закреплена не была.

Жаловаться на родителей дети не могли. Статья 6 Соборного Уложения предписывала наказание даже за попытку получить поддержку после незаслуженных обид и подать жалобу на своих родителей. Таких детей били кнутом и отдавали их отцу и матери, скорее всего, также применяли подобное наказание за проявление активности своими «чадами». Указанная норма является отражением средневековой педагогики. Семейная власть отца над детьми была практически безраздельной; государство принципиально стояло на позиции невмешательства в эти отношения.

Дальнейшей своей эволюцией нормы об ответственности за преступления против несовершеннолетних обязаны законодательной деятельности Петра I. Выданные им Военный и Морской артикулы содержали ряд уголовно-правовых норм, направленных на решение вопросов об ответственности и наказании за преступления против детей. Обращает на себя внимание то, что в ряде случаев права ребенка подлежат такой же уголовной охране, как и права и интересы совершеннолетних лиц. Артикул 163 предусматривал квалифицированный вид смертной казни – колесование за убийство, в том числе малолетнего ребенка («дитя во младенчестве»). Однако в случае, если причинение смерти было непреднамеренным результатом воспитания ребенка, наказание могло быть смягчено.

Артикулы устанавливают запрет сексуальных посягательств в отношении несовершеннолетних. 119 Артикул Морской, 166 Артикул Военный предусматривают ответственность за акты мужеложства в отношении несовершеннолетних, которая усиливается в случаях применения к ним насилия. Также 167 Артикул Воинский криминализируют

ет изнасилование, а 173 – кровосмешение.

Воинский артикул (артикул 163) относит убийство матери или отца к наиболее тяжким видам убийства. Такое преступление было караться квалифицированным видом смертной казни – колесованием. Артикул 167 устанавливал равно наказание независимо от того, «старую или молодую, замужнюю или холостую, в неприятельской или дружеской земли изнасилствует». Итак, совершение изнасилования пожилых женщин вышеупомянутый правовой акт не относил к отягчающим факторам уголовного наказания.

Указанные артикулы действовали до середины XIX в. и были дополнены законами следующих монархов и решениями Сената.

Следующим документом в истории развития отечественного уголовного законодательства является сборник законов под названием «Права, по которым судится малороссийский народ» 1743 г. (далее – Кодекс 1743 г.). В соответствии с этим сборником законов такой признак, как рождение ребенка в браке или вне его, не принимался во внимание при привлечении к ответственности женщины за детоубийство.

Кодекс 1743 г. устанавливал ответственность за несколько составов преступлений против ребенка.

1) Избиение и ранение ребенка. Если такое преступление было совершено в присутствии родителей, оно вызывало имущественное возмещение по иску родителей для шляхты или лиц воинского звания, опекуна или господина, если жертвой был зависимый человек. Если такое же преступление было совершено в отсутствие истца и достойных веры свидетелей, ответчик мог поклясться и быть свободным (гл. 20, арт. 13, п. 1–2).

2) Посаждение малолетнего ребенка на лошадь, если лошадь покалечила или убила ребенка. Если злого умысла не было, ответчик мог очистить себя присягой (гл. 20, арт. 15, п. 4).

3) Убийство новорожденного ребенка. Оно каралось смертной казнью. Новеллой было установление наказания для пособника в соверше-

нии этого преступления, в том числе наказание отца такого ребенка, и наказание за укрывательство преступления (гл. 23, арт. 10 п. 1–2).

4) Аборт (гл. 23, арт. 10, п. 3).

5) Подбрасывание незаконно рожденного ребенка. Если ребенок в результате этого умер, устанавливалась смертная казнь, если оставался жив – устанавливалось наказание, аналогичное наказанию за блуд (гл. 23, арт. 11 п. 1–2).

Пожилым возрастом пострадавшего от преступления считался отягчающим обстоятельством. В частности, за умышленное убийство деда, бабушки внук должен был четвертован, а внучка – живой закопана по шею (гл. 20, арт. 5, п. 1).

Всего в XVIII в. отношение к убийству внебрачного ребенка как квалифицированного вида убийства подвергается критике, церковным догматам противопоставляются извиняющиеся мотивы, которые толкают мать на преступление. Значительное влияние на европейское законодательство того времени осуществили научные труды И. Бентама, Ч. Беккариа, Ж.-П. Бриссо де Варвиля, а позднее А. Фейербаха и И. Канта. В частности, Ансельм Фейербах одним из первых обосновал в уголовном праве точку зрения об особых причинах, смягчающих ответственность за детоубийство. Он считал, что «страх потери полового достоинства служит лицу морально столь благородным, как и оправданным» при совершении такого преступления, как детоубийство, что является основой для уменьшения наказания за него.

Продолжая, отметим, что весной 1798 г. император Павел I издал указ. В соответствии с этим правовым документом было запрещено применять к лицам в возрасте более 70 лет телесные наказания. Вышеупомянутый указ имел большое значение, ведь избиение плетью пожилых людей достаточно часто заканчивалось смертью. На необходимость смягчения наказания, применяемого к лицам пожилого возраста, указывали и тогдашние ученые. Так, в 1820 г. казанский профессор Г. Солнцев писал: «Старость должна признаваться

причиной уменьшения наказаний потому, что, если бы старики были подвергнуты определенными законами полному наказанию, например телесному наказанию или каторжной работе, в таком случае могли бы перенести того из-за слабости телесных сил своих, кроме того, по сравнению с молодыми и крепкими преступниками, они бы больше пострадали от карательного зла за одинаковое преступление».

Научные исследования в медицине того времени также были существенным рычагом в пользу ослабления ответственности за это преступление. Было признано, что роды осуществляют определенное влияние на психофизическое состояние женщины. Известный врач-психиатр того времени К. Эбинг отмечал, что такое психическое, исключительное состояние аффекта встречается довольно часто среди женщин, рожающих в результате незаконной связи. Под влиянием таких взглядов европейское уголовное законодательство постепенно признает детоубийство привилегированным преступлением (Англия, Германия, Голландия, Испания, Швейцария, Австрия). Так, Австрийский Уголовный кодекс 1803 г., а позже и Кодекс 1853 г., которые действовали на западно-украинских землях, в частности в Галичине, относили детоубийство к преступлениям со смягчающими обстоятельствами. В связи с этим ранее предусмотренная за это посягательство смертная казнь была отменена.

Такая практика, в свою очередь, оказала влияние и на регламентацию ответственности за детоубийство в Российской империи, в состав которой входили украинские земли. Впервые убийство матерью новорожденного ребенка признавалось привилегированным убийством в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. В п. 1 ч. 2 ст. 1451 Уложения 1845 г. отмечалось, что наказание смягчается, если убийство внебрачного сына или дочери совершено матерью от стыда или страха при рождении младенца, и если при этом не будет доказано, что она была уже ранее виновата в этом преступлении.

В соответствии с этим Уложением уголовной ответственности, в частности, за «подбрасывание» или оставление ребенка в таких местах, где нельзя ожидать, что он будет найдена другими (то есть речь фактически должна идти об особом способе убийства), подлежали родственники и лица, которые вообще должны были заботиться о ребенке. При этом следует заметить, что ответственность ставилась в зависимость от возраста пострадавшего. Если ребенку было не более трех лет, виновный лишался всех «особых и личных и по состоянию присвоенных прав и преимуществ с отдачей в исправительные арестантские отделения на срок от четырех до пяти лет, или лишением всех особых, личных и по состоянию присвоенных прав и преимуществ с отдачей в исправительные арестантские отделения по первой степени в заключение, то есть с работой в исправительных арестантских отделениях на срок от трех с половиной до четырех лет» (ст. 1513 Уложения). Если ребенок имел возраст более трех, но менее семи лет, то наказание назначалось в виде лишения всех особых и личных и по состоянию присвоенных прав и преимуществ с назначением работ исправительных в арестантских отделениях на срок от трех до трех с половиной лет или от двух с половиной до трех лет (ст. 1514 Уложения). К этим же видам наказания могли быть осуждены и соучастники указанных преступлений. Если ребенок был в возрасте более семи лет, но не достиг еще того возраста, с которого он может самостоятельно обеспечивать себе пропитание, или потерпевший был болен или по другим причинам лишен сил или умственных способностей (ст. 1516 Уложения), то виновный подлежал наказанию в соответствии со ст. 1514 Уложения.

Анализ норм положения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. объективно подтверждает вышеприведенное мнение. В Уложении есть ряд глав, содержащих составы преступлений против несовершеннолетних: разд. XI, гл. 2 «О злоупотреблениях родительской властью и о преступлениях детей против отцов» и гл. 4 «О злоупотреблениях

власти опекунов и попечителей». Положительным моментом закрепления указанных глав стало то, что признанная еще Домостроем (правилами семейной общности XVI в.) безграничная власть родителей над детьми постепенно ограничивается законом. Так, злоупотреблением родительской властью в понимании Уложения было: принуждение детей к браку или к пострижению в монахи; развращение нравственности; привлечение к преступлению; присвоение и растрата имущества, принадлежащего ребенку. Наказание за совершенное деяние предусматривалось до двух лет тюремного заключения; только вовлечение детей в преступную деятельность каралось максимальной мерой наказания, предусмотренного за это преступление, в совершении которого ребенок был привлечен. Глава 4 содержала положения, аналогичные нормам гл. 2, однако в отношении деяний, совершенных опекунами. В других разделах уголовного законодательства были также прописаны отдельные нормы, направленные на охрану прав ребенка. В рамках преступлений против общественной нравственности стоит выделить ст. 1296 Уложения, которая устанавливала правовой запрет для родителей осуществлять «ненужное» сводничество детей.

Относят к преступлениям против несовершеннолетних также гл. 6 «О нарушении правил воспитания юношества». Однако действия, закрепленные в указанной главе, по мнению А. Байбарина, следует рассматривать как уголовный проступок; закрепление которого в уголовном законе было направлено на сохранение монополии в сфере образования, воспитание молодежи в духе покорности идеологии царизма и предупреждение распространения инакомыслия. Сама гл. 6 была помещена в разд. VIII «О преступлениях против общественного благоустройства и благополучия». По вышеупомянутой причине все же несомненной кажется позиция, согласно которой их криминализация была направлена на охрану интересов несовершеннолетних и имела цель защитить процесс формирования

личности несовершеннолетних от влияния «непроверенных» учителей, которые могут внушить им неодобренные социумом ценности.

Глава «Об оставлении человека в опасности и неоказании помощи человеку, что может погибнуть» закрепила ряд составов преступлений, которые отразились в оставлении ребенка, и предусмотрела наказания за их совершение от заключения в срок на 1 год в примирительных домах до тюремного заключения сроком до 4 лет. Выбор наказания за совершение преступлений указанного вида обуславливался конкретными обстоятельствами дела: место, где был оставлен ребенок, а также его возраст. В частности, закон совершил такую дифференциацию детей: ребенок до 3 лет, от 3 до 7 лет и старше 7 лет.

Новеллой законодательства стала и установленная Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. норма за распространение порнографии среди малолетних и несовершеннолетних лиц, которая начала применяться гораздо позже.

Следует также выделить ряд составов, которые касаются интересов ребенка, однако не осуществляют их непосредственной правовой охраны: похищение, подмена, оставление у себя чужого ребенка.

Таким образом, как справедливо отмечает Н. Шевченко, охраняя интересы несовершеннолетних, уголовное законодательство XIX в. стремилось дисциплинировать не только родителей и опекунов, но и всех других лиц, которым общество доверило функции воспитания молодежи, в частности, педагогов и воспитателей.

В 1917 г. на территории бывшей Российской империи произошло эпохальное событие, отмеченное образованием новых государств, в том числе РСФСР и впоследствии СССР. В начале своего становления и развития политика этих государств характеризовалась полным отказом от всего прошлого, желанием построить принципиально новое общество и систему управления им. Произошел отказ и от использования законодательной базы Российской империи (старого режима) – нормы

права чаще всего подменялись революционной целесообразностью. Что касается уголовно-правовых норм, то уголовное законодательство того времени основывалось на Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. и предполагало применение мер уголовной репрессии по аналогии. Руководящие принципы 1919 г. определяли возраст, до достижения которого лицо признавалось несовершеннолетним. Так, в ст. 13 было закреплено, что несовершеннолетние до 14 лет не подлежат суду и наказанию. Возраст от 14 до 18 лет признавался переходным. Уголовно-наказуемыми признавались действия, нарушающие «узаконивания и распоряжения рабочего и крестьянского правительства».

Выводы. История становления уголовного законодательства по возрасту лица имеет давние корни. Еще во времена Киевской Руси была предусмотрена система привлечения лица к уголовной ответственности с 8-летнего возраста. Во время пребывания украинских земель в составе Великого княжества Литовского и Речи Посполитой наблюдается тенденция к увеличению возраста, с достижением которого лицо могло быть привлечено к уголовной ответственности. Уже во время пребывания украинских земель в составе Российской империи в отечественном уголовном законодательстве появляется дифференцированный подход к установлению возраста, с достижением которого лицо могло подлежать уголовной ответственности. Учитывая карательную-репрессивную политику советской власти в уголовном законодательстве УССР первой половины XX в., был уменьшен минимальный возраст, с достижением которого лицо могло подлежать уголовной ответственности до 12 лет. И только с принятием Уголовного кодекса УССР 1960 г. был увеличен на 2 года возраст, с достижением которого лицо подлежит уголовной ответственности, и одновременно расширен круг преступлений, по которым ответственность может наступать с пониженного возраста.

Возраст как признак потерпевшего был известен еще во времена

Киевской Руси. Однако большинство норм уголовного законодательства в XIX в. непосредственно не указывали возраст потерпевшего (в одних из них есть прямое упоминание о несовершеннолетних или малолетних лицах, возраст которых можно определять по аналогии с возрастом наступления уголовной ответственности, в других статьях – нет). Были также статьи, которые просто упоминали новорожденного, детей, как совершеннолетних, так и несовершеннолетних, а также лиц пожилого возраста.

История уголовно-правовой охраны несовершеннолетних и пожилых, отражала общеевропейскую тенденцию этой защиты и стала своеобразным эталоном, определившим направление дальнейшего развития ювенального уголовного права Украины.

Список использованной литературы:

1. Присяжнюк Т. Институт потерпевшего в уголовном праве Украины : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» / Т. Присяжнюк. – М., 2006. – 20 с.
2. Сикирич Е. Философия возраста. Загадочные циклы в жизни человека / Е. Сикирич [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.manwb.ru/articles/philosophy/filosofy_and_life/PhilosophyOlder_JS.
3. Новые направления судебно-психологической экспертизы / [А. Ситковская, Л. Коньшева, М. Коченов]. – М. : Юрлитинформ, 2000. – 360 с.
4. Заяц Я. К проблеме установления уголовной ответственности за преступления, совершенные несовершеннолетними лицами / Я. Заяц // Научные записки Института законодательства Верховной Рады Украины. – 2014. – № 5. – С. 92–97.
5. Закалюк А. Курс современной украинской криминологии: теория и практика : В 3 кн. / А. Закалюк. – М. : Издательский Дом «Ин Юре», 2007–. – Кн. 1 : Теоретические основы и история украинской криминологической науки. – 2007. – 424 с.
6. Штирлов О. Генеза безпородного стану особи потерпілого у

вітчизняному кримінальному законодавстві / О. Штирлов [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://radnuk.info/statti/229-kruminal-pravo/14673-2011-01-18-22-38-43.html>.

7. Шаблиста В. Снижение возраста уголовной ответственности как средство предотвращения угроз убийства / В. Шаблиста // Вестник Львовского университета. Серия юридическая. – 2010. – Вип.50. – С. 312–317.